

Встреча с интересным человеком

Народный артист Советского Союза, трижды лауреат Государственной премии СССР

Павел Петрович КАДОЧНИКОВ

Кто из мальчишек конца сороковых годов не смотрел по пять и больше раз фильм «Подвиг разведчика»? На улице, школьных уроках, в парадных подъездах только и слышно было: «Майор Федотов, майор Федотов...». Майор Федотов, советский разведчик, блестяще выполнивший задание командования, — один из героев популярного артиста Павла Кадочникова.

Двадцатилетним впервые снялся в кино Павел Петрович Кадочников. С тех пор кинематографисты не выпускали из своего поля зрения талантливого актера.

«Яков Свердлов», «Педагогическая поэма», «Пролог» (в этих фильмах Кадочников выступил в роли А. М. Горького), «Антон Иванович сердится», «Иван Грозный», «Укротительница тигров», «Медовый месяц», «Сибиряда»...

А кто не помнит блестящее выступление актера в главной роли в фильме «Повесть о настоящем человеке»?

И когда журналистские тропы привели меня в город на Неве, я в первый же свободный вечер позвонил одному из любимых с детства актеров.

Каждый человек неповторим

ПАВЕЛ Петрович Кадочников был немного нездоров. Но, несмотря на это, он великодушно пригласил журналиста к себе. Через час я был у него на Кировском проспекте. Извинившись, он продолжил прерванный разговор по телефону, а я взял лежавшую на столе газету, и неожиданно взгляд остановился на фамилии автора одной из публикаций: Кадочников. Заинтересовавшись, стал читать. Актер рассказывал о своем детстве в небольшой уральской деревеньке Бикбарда, о тех далеких, но по-прежнему дорогих его сердцу временах, когда отец брал с собой на охоту маленького Павлика и его старшего брата Колю, об интереснейших разговорах у лесного костра...

Начав читать, я уже не мог оторваться от удивительно живых описаний окружавших актера в детстве людей, охотников, товарищей отца, от необыкновенно яркой, выразительной, настоящей уральской речи, которую, казалось, еще вчера слышал автор.

Увлеченный чтением, я не замечал, что актер давно закончил разговор по телефону и теперь внимательно смотрит на меня, пытаясь понять, нравятся ли мне его сочинения.

Понравилось, очень понравилось. Свидетельствую это совершенно искренне и рекомендую желающим убедиться в таланте Кадочникова-литератора прочитать в газете «Советская Россия» за 1 января 1983 г. рассказ «Охота».

Сам того не подозревая, актер начал беседу с ответа на один из моих вопросов. А вопрос — я предполагал задать его где-то в середине беседы — такой:

— Не «болела» ли в вас все эти годы... другая профессия?

— Болеа и болит. Хочу писать, потому и пишу. И получаю от этого большое удовольствие. (Улыбается). Может, потому и не очень активно предлагаю свои рассказы печатным органам, что не уверен, получат ли такое же удовольствие от чтения моих опусов другие. (Помолчал). Рисую... Люблю рисовать. Это занятие также приносит мне радость. Наверное, еще и потому пишу и рисую, что не могу в ролях рассказать о тех впечатлениях, что накопились за прожитые годы, о том, что бесконечно волнует и дорого в окружающей меня природе, в людях, которых узнал и продолжаю узнавать с неубывающим со временем интересом.

— Павел Петрович, а с чего все начиналось? Я — про ваше желание стать актером.

— Родился в Ленинграде, но так случилось, что отец из-за болезни вернулся в родные края, на Урал. Учился я со старшим братом в ШКМ — школе крестьянской молодежи. Но еще до поступления в школу очень любил устраиваемые в нашем селе веселые ярмарки — со всевозможными фокусниками, акробатами, танцорами, зазывалами... Приходя домой, пытался рассказать об увиденном, кого-то скопировать, показать в лицах... Приятель отца как-то сказал ему: «Ваш сын будет артистом». Помню, стало мне от этих слов обидно, и я горько заплакал. Дело в том, что тогда слово «артист» употреблялось, когда говорили о людях, в основном, нечестных. Кто-то украл, обманул — про него говорили: «Ну, артист!..»

Зная о моей склонности к лицедейству, пригласили меня однажды во взрослый драматический кружок. Играл я в первом в своей жизни спектакле одного из детей в большой семье. По ходу действия мой герой опрокидывал на себя квашню с тестом, за что ему доставалось от отца. Ну вот, опрокинул я эту квашню на себя, да так это получилось здорово, что в зале раздался смех. «Отец» раз слепнул меня, другой, а затем, несколько увлекшись этим, видимо, понравившись ему занятием, так основательно «приложился» ко мне своей широкой ладонью, что я заревел довольно естественно. А в зале стон стоял от хохота: все принимали мой рев за большое перевоплощение. Послышались аплодисменты, крики «браво», и это еще более вдохновило моего «родителя».

Кое-как я очистился тогда от теста, доиграл спектакль и зареванный пришел домой. Позже, успокоившись немного, понял, что слово «артист» имеет еще и другое значение: человек, приносящий душевную радость зрителям.

— Я перебираю в памяти сыгранных вами в кино персонажей и что-то не нахожу среди них отрицательных героев. Это совпадает с вашими собственными представлениями о своих возможностях?

— Не далее как в прошлом году сыграл в картине режиссера Фетина «Пропавший среди живых» бандита, убийцу, шефа группы, похитившей автомобили. Меня после этой картины спрашивали, зачем я согласился

играть такого мерзкого типа. Видите ли, я по характеру человек добрый и ненавижу Зло в любом его проявлении. Как же я мог отказаться от возможности заявить об этом столь широко, такой огромной аудитории? Как актеру же мне было довольно интересно попытаться постичь психологию такого сорта двуногих.

— Павел Петрович, не знаю, как для вас, но для зрителей, думаю, «Звездным часом» киноактера Кадочникова стал фильм Барнета «Подвиг разведчика», где вы сыграли роль советского разведчика, посланного со специальным заданием в тыл врага. Скажите, пожалуйста, что стало самым ярким для вас впечатлением во время работы над этой ролью?

— Сейчас это может показаться... наивным, что ли, даже маловероятным — как можно выкрасть генерала, так, во-первых, тщательно охраняемого, а во-вторых, человека на редкость умного, тонкого аналитика, психолога... Между тем во время работы над фильмом я узнал о событиях, которое буквально поразило меня: в сорок втором, кажется, году партизаны, воевавшие в районе действий одного из украинских фронтов, выкрали сразу трех крупных гитлеровских военачальников, причем при обстоятельствах более фантастических, нежели те, что показаны в нашей картине.

— Просматривая вашу фильмографию, я обратил внимание на то, что вам часто приходилось играть людей с «рисковыми» профессиями, могущими стать роковыми в жизни. А в вашей собственной жизни случались обстоятельства, близкие к роковым?

— (Улыбается). Сейчас об этом легко рассказывать, а тогда... Я ведь «морж», использую «комплект № 1» — маску, ласты и трубку. Лет пять или шесть назад «моржи» пропиливали прорубь и нечаянно уронили пилу. Меня попросили: «Павел Петрович, ты ведь ныряльщик, нырни, достань». Держась за вмороженную в лед лестницу, я погрузился. А пилы нет, не вижу ее. Подумал: может, под лед ушла, кто знает? Нырнул метра на два и увидел эту злосчастную пилу. Оторвавшись от лестницы, неожиданно потерял ориентацию. Вперед смотрю — темно, направо, налево — темно. Были страшные секунды... «Спокойно, — приказал себе, — не волнуйся, будь внимателен». Через какое-то время увидел маленькую полоску света — и к ней. Оказывается, за какие-нибудь секунды отнесло меня в сторону от лестницы. Когда вынырнул, дыхание было на исходе. И только вернувшись домой, переодевшись, по-настоящему понял, что был на грани гибели. И испугался!

— Я вспоминаю давний фильм «Запасной игрок», где ваш герой пребывал в трех ипостасях — молодой актер, старик и... боксер. Скажите, в какой из этих ипостасей вы чувствовали себя наиболее уверенно?

— В ту пору мне было лет двадцать восемь, и задолго до этого я уже играл в спектакле Ленинградского ТЮЗа «Борис Годунов» патриарха, которому сто два года. В другом спектакле, «Брат и сестра» по пьесе Шварца, я играл 90-летнего деда Тараса. Так что к возрастной, даже очень возрастной роли я был уже относительно подготовлен. Что же касается роли боксера, я ведь, если помните, боксирую в этом фильме... Так вот, боксом я занимался еще до съемок, и какие-то навыки у меня уже были. Во время работы над фильмом со мной занимались наш известный боксер Иван Александрович Князев. Перед съемкой сцены боксирования он сказал мне: «Считай, что выйдешь на ринг боксером второго разряда».

В рецензии одной из американских газет было сказано: «Запасной игрок» — обычная голливудская продукция, но интересно, что в ней сразу на три роли был приглашен профессиональный боксер».

Ну, а когда моим героем был актер, то мне было не очень сложно: люди знакомые...

— Профессия актера... Как вы думаете, что в ней самое трудное?

— Самое трудное в нашем деле — полюбить удачу... другого. Даже если сам человек тебе не нравится. И еще — трудно сказать себе: «Ох ничего не умею». Хотя ощущение этого часто приходит даже к многоопытному актеру, сыгравшему в театре или кино десятки ролей. Приходит-то приходит, а попробуй признать себе в этом...

— Скажите, со временем легче или труднее работать? Я слышал, что труднее: тянется шлейф сыгранных ролей, и, значит, трудность в том, чтобы не повториться.

— Не думаю, что это главное. С одной стороны, ответственность больше, потому что тебя знают по многим фильмам: у тебя — возраст, звание и т. д. и т. п. А с другой стороны... нет забот другого порядка — выглядеть внешне выгодно: быть стройным, красивым... И, пожалуй, главное: роли со временем получаешь посложнее, и они ответственнее накопленному тобой жизненному и профессиональному опыту. Поэтому — легче. То, что играю сейчас, едва ли смог бы сыграть в молодости. Не так полно смог бы понять, о чем речь. Я имею в виду такие свои роли, как Ромен Роллан в «Жизни Бетховена», «вечный дед» в «Сибиряде», Поль Лафарг в картине «Ленин в Париже»...

— Столько лет в искусстве... Павел Петрович, какую истину в нем вы для себя открыли?

— Александр Сергеевич Пушкин, когда ему сказали однажды, что легко и просто читать его «Повести Белкина», ответил: «Будет просто, коли поработаешь раз со сто».

— Легко ли вы идете на общение с людьми? И как это меняется с годами?

— По характеру я человек общительный. И интерес мой к человеку, стремление общаться с ним не зависит от его возраста, профессии или принадлежности к какому-то определенному кругу. И с годами стремление к общению становится все больше и больше. Человек интересен, неповторим. Это главный манок для меня. Не люблю людей выскомерных, что-то утверждающих и ссылающихся при этом на... собственное мнение. Не люблю людей, рассуждающих о чем-то, о чем не имеют ни малейшего представления. Не люблю разговаривать с пьяным человеком. Это всегда раздражает, потому что не равны условия: я его слышу, а он меня — нет. Ненавижу ложь в любом ее проявлении. Уверен, что лживый человек никогда не станет по-настоящему счастливым...

— А какой человек может показаться вам странным?

— Человек, разговаривающий с кем-то по телефону и стоящий при этом по стойке «смирно». Зачем? Ведь его никто не видит...

— Ваши любимые авторы — в литературе, например?

— Их много.

— Тогда так: книги каких трех авторов вы взяли бы с собой на необитаемый остров?

— Честно говоря, я не хотел бы попасть на такой остров: лишиться радости общения с людьми — что может быть ужаснее в жизни? Но раз уж вы настаиваете на этой моей «командировке», взял бы с собой книги трех поэтов — Маяковского, Есенина и Пушкина. Еще одного можно?

— Что с вами делать, берите. Лермонтова. Ну и... по благу — Достоевского.

— Разрешается взять еще кое-что из магнитофонных записей.

— Вы создаете мне просто шикарные условия жизни на том острове. Взял бы с собой записи русских народных песен — свадебных, обрядовых...

— В веселой улыбке всегда есть нужда, Павел Петрович. Так что уж не взыщите, вспоминайте...

— Я снимался в роли «вечного деда» в «Сибиряде». Мой герой ходил в допотопной одежде — доматканая в заплатках рубаха, валенки... Седая ветхая борода, усы. И вот однажды в гриме и костюме своего героя вхожу в продовольственный магазин, чтоб купить что-нибудь перекусить. Продавщица посмотрела на меня, как на пришельца с другой планеты, и говорит: «Господи, а тебе что надо? Или, или отсюда, тут не подают». Нисколько не смутившись, спокойно отвечаю: «Извините, пожалуйста, не будете ли вы так добры...». В первые секунды продавщица онемела, состояние ее было, казалось, близким к шоковому. Меньше всего она ожидала услышать такую речь от моего деда... Придя немного от себя, она извинилась и продала мне все, что я попросил. Уже у двери я обернулся и дружески улыбнулся ей. Мне показалось, что она так до конца и не «оклема-лась»...

Беседу вел Л. ДНЕПРОВСКИЙ.